

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 4 (81). С. 9–19.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2024. Vol. 4 (81). P. 9–19.

Научная статья
УДК 94(470.67)“18/19”
doi: 10.54398/1818-510X.2024.81.4.001

ПРИМОРСКИЙ ДАГЕСТАН В КАВКАЗСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИРАНО-ТУРЕЦКОГО ПРОТИВОБОРСТВА: ОТ КЕРМАНШАХСКОГО ДОГОВОРА ДО ГЯНДЖИНСКОГО ТРАКТАТА (1732–1735 ГГ.)

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович

Научно-клинический центр имени Башларова, г. Махачкала, Россия
vikingpasha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5239-6690>

Аннотация. В представленном исследовании, с опорой на документы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и специальную историческую литературу, анализируется кавказский вектор внешней политики России, Ирана и Турции в сравнительно небольшой, но судьбоносный хронологический отрезок от Керманшахского договора 1732 г. до Гянджинского трактата 1735 г. Автор подчеркивает, что российско-иранские и российско-османские отношения определяли геополитическую ситуацию в регионе, в частности в Дагестане. Доминирование в кавказском регионе для каждой из соперничавших сторон являлось приоритетным в их восточной политике. Констатируется, что в ходе противоборства сопредельных великих держав преимущество могло быть обеспечено только той стороне, которой удалось бы подчинить приморский Дагестан. Подчеркивается, что в исследуемый период политика российского правительства была осторожной и гибкой. Для петербургского двора имело стратегическое значение сохранение состояния ирано-турецкого противостояния и недопущения их альянса. Только таким способом можно было обеспечить баланс сил в регионе. Автор приходит к выводу, что в ходе бескомпромиссного осmano-иранского противоборства в регионе, негативно отражавшегося на социально-экономической и политической ситуации, произошел постепенный рост пророссийской ориентации местных народов, искавших протекции у Российской империи и видевших в ней некий противовес экспансионистским устремлениям Ирана и Турции рассматриваемого периода.

Ключевые слова: Российская империя, кавказская политика, кавказские народы, Дагестан, Турция, Иран, Кавказско-Каспийский регион, Надир, Керманшахский договор, Гянджинский трактат

Для цитирования: Абдусаламов М.-П. Б. Приморский Дагестан в кавказской политике России в контексте ирано-турецкого противоборства: от Керманшахского договора до Гянджинского трактата (1732–1735 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 4 (81). С. 9–19. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2024.81.4.001>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**PRIMORSKY DAGESTAN IN THE CAUCASIAN POLICY OF RUSSIA
IN THE CONTEXT OF THE IRANIAN-TURKISH CONFRONTATION:
FROM THE TREATY OF KERMANSHAH TO THE TREATY OF GANJA (1732–1735)**

Magomed-Pasha B. Abdusalamov

Scientific and Clinical Center named after Bashlarov, Makhachkala, Russia
vikingpasha@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5239-6690>

Abstract. The presented scientific publication, based on the documents of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AWPRI) and special historical literature, examines the Caucasian vector of foreign policy of Russia, Iran and Turkey in a relatively small but fateful chronological segment from the Kermanshah Treaty of 1732 to the Ganja Treaty of 1735. The authors emphasize that the Russian-Iranian and Russian-Ottoman relations determined the geopolitical situation in the region, in particular in Dagestan. Dominance in the Caucasus region was a priority for each of the contending parties in their eastern policy. It is stated that during the confrontation in the region of the neighboring great powers, the advantage could only be provided to the side that would be able to subdue Primorsky Dagestan. It is emphasized that during the period under study, the policy of the Russian government was cautious and flexible. For the St. Petersburg court, it was of strategic importance to preserve the state of the Iranian-Turkish confrontation and prevent their alliance. This was the only way to ensure the balance of power in the region. The authors conclude that during the uncompromising Ottoman-Iranian confrontation in the region, which negatively affected the socio-economic and political situation, there is a gradual increase in the pro-Russian orientation of local peoples who sought protection from the Russian Empire and saw it as a counterweight to the expansionist aspirations of Iran and Turkey during the period under review.

Keywords: The Russian Empire, Caucasian politics, Caucasian peoples, Dagestan, Turkey, Iran, Caucasus-Caspian region, Nadir, the Kermanshah Treaty, the Ganja Treaty

For citation: Abdusalamov M.-P. B. Primorsky Dagestan in the Caucasian policy of Russia in the context of the Iranian-Turkish confrontation: from the treaty of Kermanshah to the treaty of Ganja (1732–1735). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2024, no. 4 (81), pp. 9–19. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2024.81.4.001>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Представленная научная статья затрагивает кавказский вектор внешней политики России эпохи Анны Иоанновны, где ключевое место уделялось приморскому Дагестану. Выстраивание конструктивных связей с народами Кавказско-Каспийского региона на фоне противостояния с Ираном и Турцией неизменно занимало пристальное внимание российского правительства. Как и в прошлом, так и в настоящее время Кавказско-Каспийский регион представляет особый интерес не только для Ирана и Турции, но и для западных держав. Исторический опыт показал, что не только силой оружия, но прежде всего гибкой и прагматичной политикой Российской империи удалось вытеснить из кавказского региона соперничавшие государства – Иран и Турцию, которых активно поддерживали такие антироссийски настроенные западные державы, как Англия, Франция, Швеция. История циклична, и сегодня, как и в прошлом, мы видим враждебно настроенный России коллективный Запад.

Конечно, в борьбе за доминирование в Кавказско-Каспийском регионе у Российской империи, как и Ирана и Турции, были свои стратегические планы. Однако при этом российская политика на Кавказе, в отличие от политики Турции и Ирана, отличалась гибкостью, конструктивностью, гуманностью по отношению к народам региона. Иными словами, Россия учитывала в своей политике не только свои интересы, но и интересы кавказских народов. Здесь мы видим созидательную роль Российской

империи в регионе. Закономерно, что в конечном счете процесс формирования пророссийской ориентации местных народов, завершился их мирной интеграцией с Россией, тем самым расширив ее многонациональный и многоконфессиональный состав.

Основная часть

В начале 1730-х гг. в кавказском регионе произошли кардинальные изменения, синхронно совпавшие с народно-освободительной борьбой в Иране против османских и афганских завоевателей. Успешно возглавил эту борьбу Надир-Кули-хан, проявивший незаурядные военные дарования [7, с. 69]. По сведениям выдающегося австрийского историка-ориенталиста и дипломата Йозефа фон Хаммера, «Надир на службе у шаха Тахмасиба участвовал в трех битвах и освободил персов от господства афганцев. Надир посадил на трон Тахмасиба, за что тот подарил ему четыре провинции с титулом султана, но тот этого не принял и удовлетворился званием слуги Тахмаспа, т. е. Тахмасп Кулихана» [20, с. 423]. «До того, как лишить трона Тахмасиба, он разбил османов при Хамадане, Керманшахе и Тебризе, которые им взяты. Но во время этих сражений афганцы захватили Хорасан, куда он направился, чтобы укрепить власть шаха и свою», – писал Й. Хаммер [20, с. 423]. Падение Тебриза вынудило турок искать мира. Верховный визирь Топал Осман-паша предложил поручить эту миссию багдадскому наместнику султана Ахмед-паше. Однако шах Тахмасиб потребовал возвращения всех завоеванных турками земель и сверх того выплаты 300 тыс. мешков или 23 млн рублей деньгами [11, с. 78–79]. Не получив ответа, в январе 1731 г. шах под личным командованием пошел на Ереван. Командующий турецкой армией в Ереване Али-паша искусно заманил персов в ловушку и нанес им крупное поражение, где персы потеряли 8 тыс. убитыми и множество пленными [11, с. 83]. Остатки иранской армии отступили к Тебризу, где стало известно об осаде Хамадана багдадским правителем Ахмед-пашой, куда шах Тахмасиб решил немедленно выступить. Сражение состоялось в шести милях (9,66 км) от Хамадана, где турки снова одержали победу. Хамадан оказался в руках турок. Тем временем ереванский Али-паша осадил Тебриз и захватил Ардебиль. Французский автор Андре де Клостр писал, что «Шах Тахмасиб в краткое время потерял все, что прежде ни выиграл, и по последнем сражении отступил с некоторой частью конницы к Казбину (*Казвину*. – Прим. М.-П. А.), а прочие все разбежались» [11, с. 86].

Оказавшись в трудном положении, шах Тахмасиб сам запросил о мире багдадского Ахмед-пашу. Переговоры завершились 16 января 1732 г. в Керманшахе. Договор констатировал, что границей между Ираном и Турцией станет р. Аракс, протекающая между Ереванской и Тебризской областями. Османы получали Шемаху с Ширваном, Тбилиси, Ереван и Дагестан. А вот Керманшах и Тебриз возвращались Ирану [11, с. 86–87]. В отдельном пункте Керманшахского договора подчеркивалась необходимость принудить объединенными усилиями Россию возвратить взятые у Персии земли. Султан ратифицировал этот договор и освободил иранских послов с предписанием вернуться в Исфахан [11, с. 88].

Указ о заключении этого договора застал Надира в Герате. Разделив шестидесятитысячное войско на три части, он издал манифест о том, что договор был подписан не по воле шаха, а под давлением продажных министров, которых следует наказывать, а шаху помочь. Таким путем он постепенно взял в руки всю армию и государственную власть, фактически блокировал шаха в столице, куда он въехал во главе 500 своих самых верных сторонников [11, с. 94, 99]. Достигнув Исфахана, Надир арестовал ближайших приверженцев шаха и объявил о его низложении, аргументируя это тем, что его (*шаха*. – Прим. М.-П. А.) «робость и малодушие погрузят Персию скоро в прежняя бедствия, из коих мы едва оную выручили» [11, с. 102].

Собрание военной и феодальной знати формально объявило шахом наследника престола шестинедельного младенца, но фактическим правителем стал Надир-хан «с самодержавною, как в государстве, так и над войсками, властью» [11, с. 105]. Бывший шах был арестован и заключен в хорасанскую крепость, где его ослепили [11, с. 107].

Международное положение Российской империи в этот период было непростым: враждебно настроенные в Европе Швеция, Франция и Польша объединились в анти-российский альянс. Аналогичные планы европейские державы вынашивали и на Востоке, где стремились сформировать идентичный блок в составе Ирана и Турции. В создавшейся обстановке Петербург принял решение искать диалога с Надиром, союз с которым планировал использовать против турок. Однако это объективно соответствовало и интересам самого Надира, мечтавшего вернуть утерянные в ходе османской оккупации иранские территории в регионе [15, с. 56].

Безусловно, все это подтолкнуло петербургский двор к заключению с Надиром 21 января 1732 г. Рештского договора. Так, Россия во избежание ухудшения отношений с Ираном возвращала Надиру провинции Астрабад, Мазандеран и Гилян. В Рештском трактате также было оговорено, что Иран получит города Баку и Дербент при условии дальнейшей борьбы против Турции [15, с. 56].

Недовольный подписанием Рештского трактата, имевшего антиосманскую направленность и сковывавшего политику Порты на Кавказе, Стамбул подталкивал своего вассала – крымского хана Каплан-Гирея – к военным действиям против князей Кабарды баксанской партии. Цель – дестабилизация обстановки в регионе, что давало возможность к осуществлению экспансионистских замыслов, не реализованных ранее. Меры российского правительства оказались симметричными: были приведены в готовность войска на Тереке [15, с. 57].

Следует отметить, что изменение баланса сил на Востоке в пользу Ирана отразилось на политическом положении Дагестана. Да и перемена власти резко изменила внешнюю политику Ирана, особенно относительно Турции, договор с которой был аннулирован [11, с. 113]. Надир направил к султану Махмуду I послание с требованием вернуть все аннексированные земли, в противном случае угрожая войной [20, с. 424].

Весть о подготовке Надира к войне вызвала беспокойство в Стамбуле. Информирова об этом петербургский двор, русский резидент И. Неплюев отмечал, что османские военачальники в пограничных районах с Ираном привели армию в боевую готовность, «...ибо в тех краях надеются быть атаке от Тахмас-Кулы-хана» [2, л. 221].

Для перевозки в Трапезунд войск и снаряжения на Черном море курсировали 200 судов. Египетскому и анатолийским пашам предписывалось немедленно отправить в Багдад возможно большее число людей и снаряжения. Крымским татарам и ногайцам в количестве 30 тыс. человек предписывалось «пройти внутрь Персии с одной стороны, а с другой назначен Лезгинцам со всеми силами своими итти туда же» [11, с. 113–114].

Тем временем Надир начал наступление против турок и расположился в Гюльнабаде, угрожая Багдаду. Подавив восстание бахтияр в Лурестане, он собрал войска в Куме, Казвине и Кашане, а затем появился в Керманшахе. Губернатор Багдада Ахмед-паша в декабре 1732 г. занял горные перевалы, но Надир умелым маневром ввел в заблуждение турок, расплыл их силы и в январе 1733 г. обратился с предложением о мире [20, с. 425–426]. Поражение под Багдадом вынудило османского главнокомандующего Топал Осман-пашу в феврале 1733 г. заключить мир с Надиром [17, с. 123].

Однако османы не смирились с неудачами и стремились к рваншу путем мобилизации новых сил. По этому поводу в Константинополе состоялся совет, на котором решили великого визиря Топал Осман-пашу назначить главнокомандующим восьмидесятитысячной турецкой армии [20, с. 426]. В марте 1733 г. это войско было переброшено из Европы на персидский военный театр [11, с. 114]. Кроме того, Порта, вопреки протестам со стороны Петербурга, приняла решение об отправке двадцатипяти тысячного корпуса крымского хана калги Фетхи-Гирея через Кабарду, Чечню и Дагестан в Южный Кавказ. Эти планы Порты получили активную поддержку со стороны ряда западных держав, в частности Франции. Так, Версаль выделил для участия в предстоящей кампании своих опытных военных инструкторов – барона де Тотта и Бонневаля [15, с. 57].

Необходимо подчеркнуть, что по указу из Петербурга российский резидент в Стамбуле И. И. Неплюев прилагал немалые усилия с целью недопущения похода крымского хана через Северный Кавказ, аргументируя это тем, что маршрут следования проходил через Кабарду, Кумыкию и Дагестан, которые находились в подданстве России [3, л. 251]. Великий визирь Али-паши Хаким-оглу в Стамбуле 14 марта 1733 г. был извещен И. Неплюевым, что российское правительство будет рассматривать поход крымского калги как нарушение условий Константинопольского договора 1724 г. 1 апреля 1733 г. И. И. Неплюев писал из Стамбула, что нота протеста с требованием не инициировать поход к Ирану через Северный Кавказ, донесена и крымскому хану: «Того ради писали они к хану крымскому, что ежели нет иного пути кроме того который чрез российские владения лежит, дабы он хан татар чрез кавкаские горы в Персию не посылал» [3, л. 455 об.].

Однако, невзирая на предупреждения, что крымский поход приведет к российско-османской войне, правящие круги Турции и Крыма тем не менее не отказались от реализации задуманных планов. По этому поводу 10 апреля 1733 г. И. Неплюев писал графу фон Вейсбаху: «впрочем здесь слышно, что хан крымской на посланной к нему от Порты указ к ней Порте отвечивал, что татары конечно могут в Персию пройти чрез кавкаские горы, не захватывая российских владений, вследствие того он хан уже действительно минувшаго марта в первых числах десять тысяч местных крымских татар отправил, к ним же ногайских имело присовокупиться пять тысяч да вольницы татарской же до пять тысяч, которые пошли на Кубань. Всего двадцать тысяч» [3, л. 476]. Весьма заметно, что особую заинтересованность в конфликте Османской империи с Россией показывала Франция. Как отмечал британский историк Лавендер Касселс, посол Франции в Стамбуле Луи де Вильнев провоцировал великого визиря Али-пашу Хаким-оглу против России [18, с. 90].

Между тем стотысячная иранская армия собралась под Хамаданом, после чего разделилась на три части: одна была направлена на Тебриз, другая – для осады Киркука в Курдистане, а третья в составе 60 тыс. человек под командованием Надира пошла на Багдад, куда добралась 10 апреля 1733 г. Оставив Багдад после неудачной осады, Надир подступил к Мосулу. В кровопролитной битве под Мосулом, состоявшейся 19 июля, потери с обеих сторон оказались чувствительными, хотя чаша весов склонялась на сторону турок [11, с. 142]. По сведениям Йозефа Хаммера, сражение под Мосулом обернулось поражением для Надира, потерявшего десяти тысячную кавалерию [20, с. 429]. Несмотря на понесенную военную неудачу в сражении у берегов Тигра, Надир отклонил предложение Топал Осман-паши о мире [11, с. 142].

В то время как Надир вел активные военные действия против османов на Востоке, шла дипломатическая дуэль между Стамбулом и Петербургом. Несмотря на многократные демарши Петербурга и российского командования на Кавказе, к концу мая 1733 г. калга Фетхи-Гирей со своим корпусом прошел через Черкесию, где ему у Тартупа присягнули князя Малой Кабарды [20, с. 443]. Главнокомандующий российской армией на Кавказе – принц, генерал-лейтенант Людовик Вильгельм Гессен-Гомбургский – написал письмо Фетхи-Гирею, что вынужден будет «противостоять его маршу вооруженной силой» [20, с. 443]. Однако Фетхи-Гирей в ответ заявил, что не может прервать поход, так как имеет приказы крымского хана и турецкого султана, добавив, что русский резидент в Стамбуле И. И. Неплюев предупрежден об этом [20, с. 443].

Продолжив свой поход в сторону Дагестана, калга Фетхи-Гирей по пути, на берегу Сунжи принял присягу чеченского князя Айдемира Бартыханова, примкнувшего к нему с двумя тысячами всадников. Здесь же калга получил известие от правителя Шемахи Сурхай-хана Казикумухского о его готовности присоединиться к крымским войскам [20, с. 443].

В начале июня 1733 г. калга Фетхи-Гирей достиг приграничья Чечни, где обратился с требованием к российскому командованию дать свободный проход его войску, однако получил решительный отказ. Тогда калга принял решение проложить себе путь

военной силой [17, с. 128]. Здесь стоит отметить, что во время марша крымского войска от Чечни шла интенсивная переписка между принцем Л. Гессен-Гомбургским, главнокомандующим на Кавказе, и калгой Фетхи-Гиреем и сопровождавшим его в походе турецким уполномоченным Мустафой-агой [20, с. 444]. В ходе переписки российская сторона, неизменно руководствуясь своими интересами на Кавказе, снова и снова заявляла протест действиям калги, вплоть до применения оружия [20, с. 444]. Так, 9 июня калга повторно получил еще один протест, который был, как обычно, проигнорирован. Калга с войском пробился из гор у деревни Горячевской и атаковал батальон русских войск в 500 человек, который стойко держался пять часов, а затем прибывшие русские войска дали такой отпор, что «все оныя татары в бегство обратиться были принуждены которых гнало Ее Императорского Величества войско верст с десять без всякой пощады побивая яко сущих неприятелей и наступателей как они самим делом себя показали...» [4, л. 560, 562].

11 июня 1733 г. двадцатипяти тысячное войско калги Фетхи-Гирея перешло в наступление у подножья Гюрзели, что в районе деревни Горячевской, но было отброшено российской армией «на верст десять». Двенадцать знамен и 1 000 человек – таковы были крымские потери [17, с. 128]. Российская армия потеряла 78 человек убитыми и ранеными 53 человека [6, с. 7–8]. Йозеф Хаммер приводит иную цифру потерь русских: 55 убитыми и 48 ранеными [20, с. 444].

Получив весть об отпоре войскам калги, великий визирь возобновил требования о пропуске крымского корпуса [17, с. 129]. Однако ситуация осложнялась тем, что принц Л. В. Гессен-Гомбургский показал себя неграмотным и нерешительным командиром. Активному противостоянию крымцам он предпочел бездействие, что предопределило прорыв войск калги Фетхи-Гирея за Сулак. Однако кумыкские правители, в частности Айдемир Эндиреевский, Хасбулат Тарковский, выступили против калги и обратились с письмами к главнокомандующему на Кавказе принцу Л. В. Гессен-Гомбургскому с заверениями своей помощи российской армии и верности российской короне [12, с. 107]. «Светлейшего князя от сердца поздравляя, объявляю, ... что всем людям накрепко запретил, чтобы к крымцам никто не приставал, и не допускаю. Черкейцы, субутцы и атлукцы, Кумбетинской деревни обыватели, андейцы и аварцы и все тавлинцы к крымцам пристали, – писал в письме от 18 июня 1733 г. принцу Л. В. Гессен-Гомбургскому эндиреевский князь Айдемир. – Ныне крымцы стоят на Койсуве. Извольте крепкую предосторожность от них иметь. А от моих людей, андреевцев, к крымцам никто не пойдет, не извольте о сем сомневаться. Хотя бы крымцы нас стали рубить и разорять, мы в защищение великой государыни придем, а к крымцам не пойдем, и не извольте об нас иначе думать. Мы слово свое крепко станем держать и присягу нарушать не будем...» [14, с. 67]. Другой кумыкский правитель Хасбулат Тарковский в аналогичном письме от 27 июня 1733 г. обратился к принцу Л. В. Гессен-Гомбургскому с заявлением о своей готовности выступить против калги Фетхи-Гирея вместе с русскими войсками. «...Из войска крымского, где стоят посланные к усмею Аджи-Мухамед-эфенди и некоторой Ширинской мурза с несколькими старшими людьми, и усмей присягался на то, чтоб ему в войско крымское въехать и соединиться; и всех кумыков, и тавлинцов, и протчих усмею самому собрать на Дербент или на Сулак, со всеми им итти и окружить, и воды перекопать, – доносил Хасбулат Тарковский. – Я как о сем услышал, в Тарках жить не мог и отъехал в Гили (*село Гели. – Прим. М.-П. А.*), дабы всех тавлинцов и протчих призвать и с ними совет учинить, и что пристойно к пользе, по тому поступать, ибо ныне такое время, чтоб показать службу, не такой день, чтобы жалеть живота или имения. Деньги, что вы пожаловали, 2 тыс. руб., роздал, и что у меня сыщется, я ничего не пожалею – за волю все милостивейшей государыни Е. И. В. мне мое имение раздать и здоровье потерять надлежит. И что бог соизволит, так и будет. ... И тако по указу от в. светл. войско собрано, и все в одно место съезжаться будут ли, и ежели крымцы в которую ни есть сторону пойдут, вы против их навстречу пойдете-ль, и что нам повелите, о том, как наискорее чрез сих моих посланных, везира и Ресул-агу, повелите дать мне знать и их возвратно

ко мне пришлите. И что от в. светл. повелено будет учинить, так буду и поступать...» [14, с. 68].

Следует отметить, что калга Фетхи-Гирей воспользовался нерешительными действиями главнокомандующего Л. В. Гессен-Гомбургского. Опираясь на поддержку чеченского князя Айдемира Бартыханова и владельцев Дагестана Сурхай-хана Казикумухского и ахмед-хана Кайтагского, следуя через Терек, Аксайсу, Ямансу и Койсу, он со своим войском дошел до Таркитау. Это произошло в двадцатых числах июня 1733 г. [15, с. 58]. По сведениям Йозефа Хаммера, Фетхи-Гирей со своим войском расположился лагерем у резиденции шамхала. Здесь он заочно отстранил Хасбулата от власти в Тарки. Престол в Тарки занял Эльдар, родственник Хасбулата Тарковского [20, с. 444]. Тут очевидно, что отстранение Хасбулата от престола было связано с его поддержкой России.

После этих событий войска калги направились к Дербенту. Под этим городом его силы подверглись удару со стороны российской армии, который оказался катастрофическим для калги. Лишь немногим численностью 3–4 тыс. человек удалось преодолеть препятствие и достичь места дислокации османской армии на берегу реки Куры [15, с. 58].

Поход 1733 г. крымских войск калги способствовал принятию Петербургом действенных мер в регионе. Так, место главнокомандующего российской армией занял энергичный и решительный генерал В. Я. Левашов, тем самым сменив несостоявшегося военачальника принца Л. В. Гессен-Гомбургского. Сразу же по прибытии в Дагестан В. Я. Левашов пресек антироссийские акции местных владельцев и стабилизировал вышедшую из-под контроля обстановку [10, с. 115].

Вторжение крымского калги в 1733 г. и его неудача в Чечне и Дагестане оказались резонансными для придворных кругов Константинополя, Петербурга, Лондона и Парижа. При активном содействии послов Франции и Англии в Стамбуле, Вильнева и Кинуля, великий визирь поставил в вину российскому правительству нарушение трактата России и Турции 1724 г. Франция и Англия, ставя целью осложнение положения России в регионе, упорно стремились добиться комбинированного выступления против нее Турции и Ирана, направив для оказания влияния на Надир французского посла из Крыма Главани [15, с. 59].

Но добиться поставленной цели Франции и Англии не удалось и на сей раз, что можно связать с сокрушительным поражением османов в ноябре 1733 г. под Багдадом. В «Истории Турецкого государства от самого основания оно до новейших времен» приводятся ценные сведения по этому сражению: «Славный персидский полководец Кули-хан (*Надир*. – *Прим. М.-П. А.*) одержал столь знаменитую победу над турецким военачальником Топал Османом, который хотел воспрепятствовать ему завоевать город Багдад, что сорок тысяч турков и между ними сам Топал легли на месте» [9, с. 4]. Итогом стало подписание в ноябре 1733 г. багдадским губернатором Эюби Ахмед-пашой мира с Надиром на условиях возврата к границам, установленным Касре-Ширинским договором 1639 г. [8, с. 95–96].

Тем временем российское правительство было обеспокоено этим договором, так как опасалось формирования ирано-турецкого союза антироссийской направленности. Этим можно объяснить инициацию со стороны петербургского двора переговорного процесса с Надиром. Сближение интересов Ирана и Турции на Кавказе противоречило российским планам. Данная миссия была возложена на князя В. Д. Голицына, посланного в качестве полномочного министра в Иран [17, с. 133]. Однако первая же встреча с Надиром, состоявшаяся 20 мая 1734 г., убедила князя В. Д. Голицына в бессмысленности политики уступок со стороны петербургского двора Ирану. В качестве условия продолжения военных действий против Османской империи Надир поставил возврат Ирану прикаспийских земель вкуче с городами Дербентом и Баку. Он ясно дал понять В. Д. Голицыну, что в случае необходимости прибегнет к силовому разрешению проблемы, но добьется поставленной цели [1, с. 134].

Бескомпромиссную позицию Надира относительно предложений петербургского двора, думается, можно объяснить паникой, охватившей правящие круги Стамбула. В мае 1734 г. османской армии под Ереваном было нанесено сокрушительное поражение [17, с. 134]. Согласно сведениям Андре де Клостра, «турки потеряли только убитыми и ранеными 50 тыс. чел., не считая пленных. Здесь же погибли главнокомандующий Абдулла Куперли и 9 пашей; кроме того, персы пленили 5 пашей, захватили артиллерию, обоз и военную казну» [11, с. 166]. Вслед за этой военной катастрофой, под прессингом западноевропейских держав 15 июля 1733 г. османский правитель Махмуд I ратифицировал договор Ирана с Турцией, подписанный Ахмед-пашой под Багдадом. Вне сомнений, что подобный поступок со стороны османских властей был направлен на обострение взаимоотношений России с Ираном. Цель западных держав, подтолкнувших султана на этот шаг, заключалась в том, чтобы вытеснить из Кавказа Россию, а претворить в жизнь эти стратегические планы, по замыслу Англии и Франции, должен был Надир [17, с. 135].

Безусловно, это, определенно соответствовало и интересам Надира, грезившего не только о реставрации былых позиций Ирана, но и формирования кавказского плацдарма для вытеснения России и Турции. Усердия Лондона и Парижа на сей раз дали результаты. Надир 6 августа 1734 г. прибыл на реку Куру, где обратился к Хасбулату Тарковскому, Ахмед-хану Кайтагскому и другим владельцам с призывом вернуть территории, ранее находившиеся под владичеством Ирана и признать его власть [15, с. 59–60]. Однако среди дагестанских владельцев этот призыв не получил отклика. Только Хасбулат Тарковский, исходя из политических соображений, явился для встречи с Надиром на Куру [16, с. 329–330].

Между тем разъяренный Надир отправил своего посла Муса-хана к Сурхай-хану Казикумухскому с ультиматумом, чтобы тот сдал немедленно Шемахи. Как писал А. А. Неверовский, Сурхай-хан казнил посла и написал Надирю письмо с оскорбительным содержанием [13, с. 24]. Это послужило причиной так называемой первой «шемахинской экспедиции», организованной в середине августа 1734 г. для наказания Сурхай-хана [15, с. 59]. Дойдя до Шемахи, Надир отдал приказ о его разорении «до основания, дабы не оставить Лезгинцам никакого пристанища» [11, с. 162]. Результатом первой «шемахинской экспедиции» 1734 г. стало разрушение Шемахи и бегство Сурхай-хана Казикумухского в Аварское ханство, а также разорение лакских, лезгинских и других сел. После этих мер в середине октября 1734 г. Надир вернулся к Гяндже, в которой тогда находился осажденный турецкий гарнизон [15, с. 60].

Параллельно с этими событиями шли переговоры петербургского двора с Надиром по поводу возврата прикаспийских провинций. В Петербурге не планировали разрыва контактов с Надиром. Стремясь сохранить с ним мир, российское правительство вынашивало идею создания некоего противовеса Турции на Кавказе в лице Надира. Шла подготовка к борьбе за выход к Азовскому морю, и было важно «связать» Турцию кавказскими делами. Успех давал возможность российскому флоту после Азова попасть и в Черное море [19, с. 24]. Поэтому В. Д. Голицын получил от правительства установку повторно сообщить Надирю о готовности императрицы Анны Иоанновны вернуть ему ранее указанные территории, но с оговоркой, чтобы Иран сохранил их за собой. Так, в рескрипте В. Д. Голицыну от 29 октября 1734 г. сообщалось, что «дабы ... наше доброжелательное к персицкому государству верное намерение толь явственне и ныне в самом деле показать, того ради соизволяем Баку со всем уездом ныне ему уже действительно отдать и войски наши... вывезть в Дербень, и о том к генералу Левашову действительные наши указы посланы, но чтобы Тахмасп Кулихан подтвердил Рештский трактат, а имянно что те от нас Персии возвращаемые провинции никогда в какие чужие руки достаться не могли, и чтоб по содержанию того трактата он обязался быть неприятелем нашим неприятелям, что он же достальные в чужих других руках обретающиеся провинции и города к Персии всеконечно возвратил» [5, л. 30, 34 об., 35].

Здесь надо понимать, что одним из ключевых пунктов кавказского вектора внешней политики Российской империи было предотвращение упрочения позиций Османской империи в Западном Прикаспии, а это стало бы возможным, будь сформирован альянс Турции и Ирана путем подписания между ними договора [16, с. 330]. Оказавшись перед угрозой ирано-турецкого союза антироссийской направленности на востоке и перспективой наступательной стратегии европейских держав на западе, российское правительство приняло решение о выводе своей армии из этих областей с целью недопущения потенциальной войны на два фронта. Была и другая задача: сделать Иран своим союзником вместо вероятного противника. Исходя из данной доктрины 10 марта 1735 г. был подписан Гянджинский трактат о возвращении Ирану прикаспийских областей и части Дагестана с отводом российской армии за реку Сулак, с оговоркой, чтобы эти области не были аннексированы Турцией [15, с. 60–61].

Выводы

Таким образом, вышеизложенный материал позволяет нам констатировать, что в результате подписания Гянджинского трактата значительная приморская территория Дагестана от реки Самур на юге до Сулака на севере отходила под власть Ирана. Так приобретения Петра Великого были потеряны. Безусловно, Гянджинский трактат осложнил обстановку в регионе, в частности в Дагестане, где Надир получил свободу действий. Тем самым изменение баланса сил негативно отразилось на внешнеполитическом положении Дагестана. Но в то же время именно после Гянджинского трактата 1735 г. были созданы предпосылки, кардинально изменившие внешнеполитическую линию в сторону России не только местных правителей, руководствовавших до этого узкими интересами, но и самих народов, все более ясно осознававших, что только союз с таким сильным государством, как Россия, может оградить их от внешней агрессии. Тяжелые испытания, выпавшие на долю народов Дагестана после Гянджинского трактата, прежде всего связанные с последующими разорительными походами Надир-шаха Афшара, показали, что Россия была той силой, которая создавала некий баланс в регионе, способствовала относительной стабильности. Не случайно в этот тяжелый период, в обстановке захватнической политики Надир-шаха наметилась тенденция усиления пророссийских настроений дагестанских народов, формирование их пророссийской ориентации, в перспективе предопределившей интеграцию Дагестана в состав России.

Список литературы

1. Абдусаламов, М.-П. Б. Кумыкские феодальные владения в политической жизни Дагестана в первой половине XVIII в. / М.-П. Б. Абдусаламов. – Махачкала : Народы Дагестана, 2008. – 192 с.
2. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). – Ф. 89. Сношения России с Турцией. – Оп. 89/1. 1732 г. – Д. 8.
3. АВПРИ. – Ф. 89. Сношения России с Турцией. – Оп. 89/1. 1733 г. – Д. 5.
4. АВПРИ. – Ф. 89. Сношения России с Турцией. – Оп. 89/1. 1733 г. – Д. 6.
5. АВПРИ. – Ф. 77. Сношения России с Персией. – Оп. 1. 1734 г. – Д. 5.
6. Богуславский, Л. История Апшеронского полка. 1700–1892 гг. / Л. Богуславский. – Санкт-Петербург : Тип. Мин-ва путей сообщения, 1892. – Т. 1. – 518 с.
7. Гаджиев, В. Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане / В. Г. Гаджиев. – Махачкала : Мининформпечать, 1996. – 260 с.
8. Иванов, М. С. Очерк истории Ирана / М. С. Иванов. – Москва : Политиздат, 1952. – 467 с.
9. История Турецкого государства от самого основания оно до новейших времен / пер. с нем. – Москва : Унив. тип., 1828. – Ч. 2. – 91 с.
10. Кавказско-Каспийский регион в политике Российской империи в первой трети XVIII в. / [под общ. ред. Ш. А. Магарамова]. – Махачкала : Лотос, 2022. – 304 с.
11. Клостр, А. История о персидском шахе Тахмас Кулы-хане / А. Клостр; пер. с фр. С. Решетова. – Санкт-Петербург : [На иждивении и тип. П. Богдановича], 1790. – 260 с.
12. Магомедов, Р. М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе / Р. М. Магомедов. – Махачкала : Дагкнигоиздат, 1999. – Кн. 2. – 520 с.

13. Неверовский, А. А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье / А. А. Неверовский. – Санкт-Петербург : Тип. воен.-учеб. завед., 1848. – 42 с.
14. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. / сост.: В. Г. Гаджиев, Д.-М. С. Габиев, Н. А. Магомедов [и др.]. – Москва : Наука, 1988. – 357 с.
15. Сотавов, М. Н. Крымское ханство в русско-турецких отношениях в XVIII в. (1700–1783) в свете влияния их на Дагестан / М. Н. Сотавов. – Махачкала : Дагестанский гос. ун-т, 2010. – 168 с.
16. Сотавов, М. Н. Дагестан в период нашествий калги Фетхи-Гирея и хана Каплан-Гирея (1732–1735 гг.) / М. Н. Сотавов, М.-П. Б. Абдусаламов // Дербент в историческом процессе Кавказа и России. – Махачкала : Дагестанский научный центр РАН, 2015. – С. 326–336.
17. Сотавов, Н.-П. А. Крах «Грозы Вселенной» в Дагестане / Н.-П. А. Сотавов. – Махачкала : Эпоха, 2013. – 304 с.
18. Cassels, L. The Struggle for the Ottoman Empire, 1717–1740 / L. Cassels. – London : John Murray, 1966. – 226 p.
19. Ramasany, R. K. The Foreign Policy of Iran. A Developing nation in world affairs: 1500–1941 / R. K. Ramasany. – Charlottesville : Univ. press of Virginia, 1966. – 330 p.
20. Hammer, J. Geschichte des osmanischen Reiches: größtenteils aus bisher unbenützten Handschriften und Archiven. Bd. 7: Vom Carlowiczzer bis zum Belgrader Frieden, 1699 – 1739 / J. Hammer. – Pest : Hartleben, 1831. – 630 p.

References

1. Abdusalamov, M.-P. B. *Kumykskie feodalnye vladeniya v politicheskoy zhizni Dagestana v pervoy polovine XVIII veka* [Kumyk feudal possessions in the political life of Dagestan in the first half of the XVIII century]. Makhachkala: Peoples of Dagestan; 2008, 192 p.
2. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire*. Found 89. Relations between Russia and Turkey, inventory 89/1, 1732, case 8.
3. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire*. Found 89. Relations between Russia and Turkey, inventory 89/1, 1733, case 5.
4. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire*. Found 89. Relations between Russia and Turkey, inventory 89/1, 1733, case 6.
5. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire*. Found 77. Russia's relations with Persia, inventory 1, 1734, case 5.
6. Boguslavsky, L. *Istoriya Apsheronского polka. 1700–1892 gg.* [History of the Absheron regiment. 1700–1892]. St. Petersburg, Tip. Min. of communication routes; 1892, vol. 1, 518 p.
7. Gadzhiev, V. G. *Razgrom Nadir-shaha v Dagestane* [The defeat of Nadir Shah in Dagestan]. Makhachkala: Mininformpechat, 1996, 260 p.
8. Ivanov, M. S. *Ocherk istorii Irana* [An essay on the history of Iran]. Moscow: Politizdat; 1952, 467 p.
9. *Istoriya Turetskogo gosudarstva ot samogo osnovaniya onogo do noveysikh vremen* [The history of the Turkish state from the very foundation of it to modern times]. Moscow: Universitetskaya tipografiya; 1828, vol. 2, 91 p.
10. *Kavkazsko-Kaspiyskiy region v politike Rossiyskoy imperii v pervoy treti XVIII v.* [The Caucasian-Caspian region in the politics of the Russian Empire in the first third of the XVIII century]. Makhachkala: Lotos; 2022, 304 p.
11. Klostr, A. *Istoriya o persidskom shakhe Takhmas Kuly-khane* [The story of the Persian Shah Tahmasz Kuli Khan]. St. Petersburg: [Dependent and type of P. Bogdanovich]; 1790, 260 p.
12. Magomedov, R. M. *Darginsy v dagestanskom istoricheskom protsesse* [Dargins in the Dagestan historical process]. Makhachkala: Dagkniгоizdat; 1999, book 2, 520 p.
13. Neverovsky, A. A. *Kratkiy istoricheskiy vzglyad na Severnyy i Sredniy Dagestan do unichtozheniya vliyaniya lezginov na Zakavkaz'e* [A brief historical look at Northern and Middle Dagestan before the destruction of the influence of the Lezgins in Transcaucasia]. St. Petersburg: Typografiya military-studies the institution; 1848, 42 p.
14. *Russko-dagestanskie otnosheniya v XVIII – nachale XIX v.* [Russian-Dagestan relations in the XVIII – early XIX centuries: collection of documents]. Compiled V. G. Gadzhiev, D.-M. S. Gabiev, N. A. Magomedov [et al.]. Moscow: Nauka; 1988, 357 p.
15. Sotavov, M. N. *Krymskoe khanstvo v russko-tureckikh otnosheniyah v XVIII v. (1700–1783) v svete vliyaniya ih na Dagestan* [The Crimean Khanate in Russian-Turkish relations in the XVIII century (1700–1783) in the light of their influence on Dagestan]. Makhachkala: Dagestan State University; 2010, 168 p.

16. Sotavov, M. N., Abdusalamov, M.-P. B. Dagestan v period nashestviy kalgi Fetkhi-Gireya i khana Kaplan-Gireya (1732–1735 gg.) [Dagestan during the invasions of Kalgi Fethi Giray and Khan Kaplan Giray (1732–1735)]. *Derbent v istoricheskoy protsesse Kavkaza i Rossii* [Derbent in the historical process of the Caucasus and Russia]. Makhachkala: Federal State Budgetary Institution of Science IIAE Dagestan Scientific Center of the RAS; 2015, pp. 326–336.

17. Sotavov, N.-P. A. *Krakh "Grozy Vselennoy" v Dagestane* [The collapse of the "Thunderstorm of the Universe" in Dagestan]. Makhachkala: Epokha; 2013, 304 p.

18. Cassels, L. *The Struggle for the Ottoman Empire, 1717–1740*. London: John Murray; 1966, 226 p.

19. Ramasany, R. K. *The Foreign Policy of Iran. A Developing nation in world affairs: 1500–1941*. Charlottesville: Univ. press of Virginia; 1966, 330 p.

20. Hammer, J. *Geschichte des osmanischen Reiches: größtentheils aus bisher unbenützten Handschriften und Archiven. Bd. 7: Vom Carlowiczzer bis zum Belgrader Frieden, 1699 – 1739*. Pest: Hartleben; 1831, 630 p.

Информация об авторе

Абдусаламов М.-П. Б. – доктор исторических наук, доцент.

Information about author

Abdusalamov M.-P. B. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.08.2024; одобрена после рецензирования 19.09.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 20.08.2024; approved after reviewing 19.09.2024; accepted for publication 30.09.2024.